

Впрочем, отечественным ученым остается лишь позавидовать организационным и иным возможностям французских коллег, столь блестяще умеющих направлять коллективную исследовательскую работу на достижение зримого и ценимого обществом результата.

П.В. Кузенков

**Recherches sur la chronique de Jean Malalas. II** / Ed. par S. Agusta-Boularot, J. Beaucamp, A.-M. Bernardi, E. Caire (Collège de France — CNRS, Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance. Monographies. 24). Association des Amis du Centre d'Histoire et Civilisation de Byzance. P., 2006. 286 p.

Новая работа французских византинистов является вторым томом исследований, посвященных “Хронографии” Иоанна Малалы<sup>1</sup>. Как и предыдущий том, он представляет собой акты коллоквиума, проходившего также в Экс-ан-Провансе, но на этот раз двумя годами спустя: 21–22 октября 2005 г. Тема коллоквиума “Иоанн Малала и история”. Если в ходе первого коллоквиума его участники сосредоточили свое внимание на текстологических особенностях произведения Иоанна Малалы, то на втором коллоквиуме в центре внимания участников были содержание и историческая ценность хроники. Исследователи в первую очередь задались целью определить, в какой мере Иоанн Малала был самостоятельным автором. Докладчики сосредоточили свое внимание на умалчивании хронистом тех или иных фактов, намеренное искажение им исторического материала, граничащее с манипуляцией, и пытались выяснить причины подобного подхода.

Работа состоит из введения, двух частей, заключения и указателей источников, имен и географических названий.

Первая часть сборника носит название “Миф и история” и имеет целью рассмотреть манеру, с которой Иоанн Малала подходит к самым древним временам, как он представляет памятники прошлого и придает легендарный характер недавним событиям. Она состоит из шести развернутых в статьи докладов.

В статье Ж. Бокамп “Библейское прошлое и еврейская история: версия Иоанна Малалы” (с. 19–34) показывается, как хронист опускает важные, имеющие символическое значение факты библейской истории, что, по мнению исследовательницы, свидетельствует о его возможных антииудейских настроениях. Именно поэтому, предполагает докладчица, Иоанн Малала придал христианский характер политике Нерона по отношению к евреям.

Э. Кер в статье “Хронология греческой истории до Александра в хронике Иоанна Малалы” (с. 35–51) констатировал хронологический разноречивый, существующий в первых восьми книгах сочинения Иоанна Малалы, неточности и даже ошибки при описании древнегреческой истории. Но особый интерес исследователь проявил к вставным эпизодам повествования, которые нередко нарушают хронологический ряд произведения, приводя к противоречиям и несоответствиям. По мнению автора статьи, в данном случае имело место намеренное искажение материала, осуществленное хронистом. Выбор эпизодов, порядок их расположения и манера, с которой они поданы, обнаруживают явное намерение Иоанна Малалы придать греческой истории с самого начала определенную ориентацию: предопределить ее связь с будущей историей родного города хрониста — Антиохии.

В статье А.-М. Бернарди “Пересекающиеся взгляды на истоки Рима: праздник брумалий у Иоанна Малалы и Иоанна Лида” (с. 53–67) проделан тщательный анализ описаний праздника брумалий у, казалось бы, совершенно различных ранневизантийских авторов. Исследовательница пришла к убедительному выводу о значительном сходстве между тем и другим. Она показывает, что и Иоанн Лид, и Иоанн Малала описывают в действительности не древний римский праздник, а то, что они наблюдали в VI в., в чем сказалось их стремление возвести византийский праздник брумалий к древним римским временам и таким образом подчеркнуть континуитет римской и византийской истории. Все это выглядит весьма убедительно, досад-

<sup>1</sup> Recherches sur la chronique de Jean Malalas. I / Ed. par Joëlle Beaucamp avec collaboration de S. Agusta-Boularot, A.-M. Bernardi, B. Cabouret et Emmanuèle Caire (Collège de France — CNRS, Centre de Recherche d'Histoire et Civilisation de Byzance. Monographies. 15). P., 2004.

но, однако, что А.-М. Бернарди не учла статьи российского исследователя Л.А. Ельницкого, пришедшего с сходным выводом еще в 1975 г.<sup>2</sup>

К. Салью в статье «Антиохийские статуи в “Хронографии” Малалы» (с. 69–95) приходит к выводу, что обилие упоминаний в хронике о статуях свидетельствует об их важности для образа города в глазах Иоанна Малалы. При этом, по мнению исследовательницы, для хрониста не имело значения, доступны ли еще были эти скульптуры взорам граждан, иными словами, существовали ли они еще и существовали ли вообще. Для Иоанна были важны не столько сами памятники, сколько рассказы о них. Эти рассказы, полагает К. Салью, несли важную функцию для существования коллективной памяти о консенсусе, плавности перехода от Селевкидов к Римской империи. Кроме того, эти описания памятников привязаны у Иоанна Малалы к истокам города, сохраняющего следы своей близости к богине Артемиде. Таким образом, подчеркивается идентичность города как эллинистическая, так одновременно и древнегреческая.

Исследование С. Агюсты-Буляро “Малала – эпиграфист? Природа и функция эпиграфических цитат в хронике Малалы” (с. 97–135) посвящено изучению эпиграфических данных, содержащихся в сочинении Иоанна Малалы. В “Хронографии”, констатирует автор, упоминаются 25 надписей. Тем не менее сами надписи, как убедительно показано в статье, Иоанн Малала не видел и цитировал их по текстам, в которых они приводятся. Чаще всего хронист говорит о надписях, находившихся на скульптурах Антиохии и других крупных городов Средиземноморья или в знаменитых святилищах. Показательно при этом, что все эти надписи, заключает С. Агюста-Буляро, имели отношение к его родному городу и его истории, пусть даже совсем отдаленной.

И. Буффартиг в статье “Малала и история императора Юлиана” (с. 137–152) изучены особенности рассказа хрониста о Юлиане Отступнике. Исследователь показывает, что хронист привнес в агографические элементы в свое повествование, когда пишет об этом языческом императоре. Вместе с тем автор приходит к убедительному выводу, что рассказ Иоанна Малалы отличается от известий других христианских авторов тем, что в нем нет явно негативного отношения к императору-язычнику и а само прозвище Отступник не имеет у него оценочной окраски. Учитывая лояльное отношение Иоанна Малалы к носителям монархической власти, уже не раз отмеченное в литературе<sup>3</sup>, этот вывод не вызывает сомнений.

Вторая часть работы французских византинистов носит название “Имперская история”. В центре внимания исследователей здесь особенности изображения хронистом империи и императора и его отношения к ним.

Статья С. Метивье носит название “Создание римских провинций по хронике Малалы” (с. 155–172). Анализируя данные IX–XVIII книг “Хронографии” относительно создания провинций, исследовательница делает акцент на историческом зренье свидетелей хрониста. Автор также подчеркивает то внимание, которое проявлял Иоанн Малала к деятельности императоров и административным процессам, связанным с созданием провинций.

В работе Б. Кабуре “Основание городов со II по IV в. по хронике Малалы” (с. 173–185) проанализированы упоминания Иоанна Малалы об основании городов во II–IV вв. Исследовательница отметила, что хронист не делает различий между понятиями “основать” и “создать город”. Сообщения Иоанна Малалы при сопоставлении их с другими источниками, позволяют восстановить хронологию и юридический статус города, хотя у самого хрониста существует путаница на этот счет либо он просто не придает этому значения. Для Иоанна Малалы, подчеркивает Б. Кабуре, в первую очередь важно то, что именно император, а не кто-либо другой структурировал пространство. Известия хрониста, заключает исследовательница, – дань политической идеологии своего времени. Кроме того, с ее точки зрения, хроника Иоанна Малалы – свидетельство важности, которая придавалась упоминанию почетных титулов городов в ту эпоху.

<sup>2</sup> См.: Ельницкий Л.А. Византийский праздник брумалий и римские сатурналии // Античность и Византия. М., 1975. С. 346–349.

<sup>3</sup> Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897. S. 325–326; Stein E. Histoire du Bas-Empire. T. 2. Paris; Bruxelles; Amsterdam, 1949. P. 703–704; Удальцова З.В. Развитие исторической мысли // Культура Византии. М., 1984. С. 254 и т.д. Scott R. Malalas and His contemporaries // Studies in John Malalas / Ed. E. Jeffreys with B. Croke, R. Scott. Sydney, 1990. P. 68.

Д. Фессель в статье “Даты и продолжительность правления императоров по Иоанну Малале: от Феодосия II до Юстиниана” (с. 187–196) проанализировал хронологический аспект XIV–XVIII книг “Хронографии” Иоанна Малалы. Исследователь приходит к выводу о точности датировок хрониста при описании последних 150 лет, освещенных в его труде. В. Фессель считает, что приведенные хронистом цифры в ряде случаев (продолжительность правления Анастасия и Юстина, например) более точны, чем данные Марцеллина Комита и Пасхальной хроники. В связи с этим автор полагает, что находящаяся в Бодлеянской библиотеке Оксфорда рукопись “Хронографии” близка к тексту VI в. По мнению исследователя, внесенная на основе славянского и латинского переводов правка в критическое издание И. Турна (о продолжительности правления Анастасия и Юстина) совершенно не оправдана. Дело, разумеется, очень тонкое, и гипотеза Д. Фесселя весьма заманчива. Не будем забывать, однако, что латинский перевод датируется VIII в., славянский – X–XI вв., а Оксфордская рукопись всего лишь XII в. Автор и сам сознает, что Оксфордская рукопись представляет собой сокращенный вариант хроники (с. 187), которая, следовательно, подвергалась обработке.

Ж.-М. Карье в своей работе “Культурный традиционализм и историографические новации: физические портреты знаменитых личностей в хронике Малалы” (с. 197–212) проанализировал в первую очередь портреты императоров в “Хронографии” Иоанна Малалы. В результате исследователь приходит к выводу, что хронист порывает с античной традицией и, как правило, приукрашивает портреты императоров, при этом особое значение придавая их глазам.

Три статьи посвящены последним книгам “Хронографии” Иоанна Малалы. В. Пюш в статье “Малала и просопография VI в.: освещение эпохи Юстиниана” (с. 213–226) сосредоточил свое внимание на просопографическом анализе XVII–XVIII книг сочинения хрониста, охватывающих правление Юстина и Юстиниана. Автор справедливо подчеркивает особое значение “Хронографии” для наших познаний об исторических личностях, действовавших на Востоке до 530 г., и кризисных ситуаций, поразивших Константинополь в последующий период. По мнению В. Пюша, Иоанн Малала изображает эпоху Юстиниана в очень благоприятном свете, в чем его “Хронография” сильно отличается от “Тайной истории” Прокопия Кесарийского. Не будем забывать, однако, что “Тайная история” Прокопия является совершенно особым произведением и именно поэтому не корректно противопоставлять ее “Хронографии” Иоанна Малалы.

Делая подобное сравнение, автор следует за Р. Скоттом, который впервые резко противопоставил эти два сочинения<sup>4</sup>, поскольку, с его точки зрения именно в них отразились полярно противоположные взгляды на эпоху Юстиниана. По мнению Р. Скотта, Иоанн Малала при создании XVIII книги своего труда основывался на материалах императорской пропаганды, а “Тайная история” Прокопия являлась контрпропагандой. В. Пюш идет еще дальше. На с. 226 он утверждает, что в то время как Иоанн Малала поддерживал императорскую власть и соответственно заботился об укреплении Византийского государства, Прокопий принадлежал к тем, кто способствовал ослаблению империи и даже ее распаду (*dissolution*). Думается, ни один византийский автор не обнаружил бы никакого иного чувства, кроме удивления, узнав он о подобном обвинении. Менее всего подобного обвинения заслуживал Прокопий, которому исследователь противопоставляет Иоанна Малалу. Прокопий болел за империю и хотел, чтобы она оставалась сильной и мощной. Он порицал Юстиниана, поскольку был убежден, что тот губит империю. И в конечном счете он оказался прав. Устремления Юстиниана на Запад дорого обошлись Византии. После его правления империя вступила в полосу глубокого кризиса, от которого никогда не смогла оправиться, и в результате потеряла богатые и высококультурные восточные области, которые отошли сначала к персам, а затем к арабам.

По мнению В. Пюша, Иоанн Малала выдвигает на первый план лиц, преданных Юстиниану и Феодоре и всячески умалчивает об интригах при дворе Юстина и Юстиниана. Но об этих интригах он, человек далекий от двора, мог и не знать. Когда же о них ему было известно, он без колебаний рассказывал о них. Именно от Иоанна Малалы нам известно, что после смерти Анастасия препозит священной спальни Амантий дал деньги Юстину, в то время исполнявшего должность комита экскувитов, чтобы он раздал деньги войску и то высказалось

<sup>4</sup> Scott R. Malalas, *The Secret History and Justinian's Propaganda* // DOP. 1985. № 39. P. 99–109. Сопоставление “Хронографии” Иоанна Малалы и “Тайной истории” Прокопия делалось и раньше, однако без категоричных политических оценок и модернизации. См.: *Удальцова З.В.* Мироззрение византийского хрониста Иоанна Малалы // ВВ. 1971. Т. 32. С. 8–10.

бы за близкого ему человека – Феокрита; деньги были розданы войску и народу, и те захотели сделать василевсом Юстина<sup>5</sup>. Это ли не есть интрига и причем главная, связанная с приходом к власти дяди Юстиниана, с которого, по существу, началось длительное правление самого Юстиниана?

Ф.Н. Альпи в статье “Христологическая ориентация XVI и XVII книг хроники Малалы: правление Анастасия (491–518) и Юстина I (518–527)” (с. 227–242) приходит к выводу, что хронист не противопоставляет правление Юстина правлению Анастасия в религиозном и политическом аспектах. Для Иоанна Малалы в первую очередь важен высокий имидж христианского монарха. Под его пером в окончательном виде складывается жанр легитимистского и квазиофициального повествования. Хронист вполне отдает себе отчет в том, что христологические споры являются движущей силой исторического развития, но как бы драматично и трагично он не описывал мятежи и восстания, он всегда их осуждает, и для него на первом месте позиция императорской власти, которая является гарантом общности церквей.

Был ли это собственный оригинальный взгляд хрониста на свое время, империю и императора или он отразил сложившуюся традицию, атмосферу, в которой он жил? Нам представляется, что верным является второе.

Ф. Блодо в статье “Религиозный порядок и порядок общественный: наблюдения относительно церковной истории в период после Халкидонского собора в свете данных Иоанна Малалы” (с. 243–256), проведя анализ достаточно обширного материала, приходит к выводу, что хронист сглаживает, а порой и вовсе умалчивает о религиозных раздорах в период после Халкидонского собора. Хрониста, подчеркивает исследователь, заботит единство империи и именно этим объясняется его авторская позиция. Ф. Блодо вполне резонно разделяет точку зрения Б. Кроука о том, что Иоанн Малала являлся чиновником в аппарате комита Востока<sup>6</sup>. Однако, исходя из этого, он приходит к довольно спорному выводу. Ф. Блодо полагает, что именно чиновная среда, способствовавшая эффективному управлению империей, являлась его главной читательской аудиторией, поскольку именно она разделяла его позицию. Думается, круг читателей Иоанна Малалы был значительно шире, ибо грамотность в Византии была весьма распространенным явлением, а взгляды, выраженные в сочинении хрониста, были близки достаточно широким кругам населения.

Итоги коллоквиума в весьма остроумной форме подвел Ж.-М. Карье (с. 257–262).

В целом новая работа французских исследователей при всей спорности отдельных положений представляет несомненный интерес и является существенным вкладом не только в изучение “Хронографии” Иоанна Малалы и ее автора, но и изучение византийской ментальности VI в.

А.А. Чекалова

## **Zuckerman C. Du village à l'empire: autour du registre fiscal d'Aphroditô (525/526). P., 2004. 286 p., planches.**

Данная монография, как признается сам ее автор, французский византист Константин Цукерман, находится на пересечении жанров. Ее логическим центром является издание фискального регистра VI в. из египетской деревни Афродито, но сам текст документа с комментариями занимает едва ли десятую часть книги (с. 247–271). Все остальное – это детальное исследование текста регистра в том необычном ракурсе, который автор и вынес в заглавие работы “От деревни к империи”. Речь идет о кропотливом сопоставлении различных по своему характеру источников с данными изданного документа и выявлении на их основе фактов, способных пролить свет на еще малоизученные вопросы ранневизантийской истории или по-новому взглянуть на уже изученные. Идея такого сопоставления, в центре которого лежит вполне ординарный документ, заслуживает интереса уже сама по себе, поскольку поднимает изучение источников подобного рода на качественно новый уровень. Данные фискального регистра анализируются в сопоставлении с законодательными, нумизматическими и, конечно же, литературными источниками. В приложениях к одной из глав мы находим, например,

<sup>5</sup> Ioannis Malalae Chronographia / Rec. I. Turn // CFHB. Vol. 35. Berolini; Novi Eboraci, 2000. P. 337.

<sup>6</sup> Croke B. Malalas, the Man and His Work // Studies in John Malalas. P. 22–23.